

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ	13
ГЛАВА 2. ПОСЛЕВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ.	49
<i>Апогей коммунизма</i>	49
<i>В поисках марксистской ортодоксии</i>	59
<i>Нематериализовавшаяся революция</i>	67
<i>Главный враг – империализм</i>	70
ГЛАВА 3. НЕОМАРКСИЗМ	87
<i>Неомарксистское брожение</i>	87
<i>Формы неомарксизма</i>	90
<i>Итальянская ветвь</i>	95
<i>Франкфуртская школа</i>	104
<i>Американизация Франкфуртской школы</i>	113
ГЛАВА 4. ПОСТМАРКСИСТСКИЕ ЛЕВЫЕ	123
<i>Распад коммунистического движения</i>	123
<i>Антифашизм</i>	127
<i>О «хабермасовщине»</i>	143
<i>Перевоспитание по-американски.</i>	157
ГЛАВА 5. ПОСТМАРКСИСТСКОЕ ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ	179
<i>Мягкий деспотизм</i>	179
<i>Зажившееся коммунистическое божество</i>	181
<i>Эпоха постмарксизма</i>	183
<i>Вторая реальность</i>	189
<i>Добро против зла</i>	194
<i>Терпимость и нетерпимость</i>	200
ГЛАВА 6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	211
ПОСЛЕСЛОВИЕ	221

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Книга известного американского историка и политолога Пола Готфрида «Странная смерть марксизма» продолжает политическую серию издательского проекта ИРИСЭН, реализуемого издательством «Мысль». Ее автор — профессор Элизабеттаунского колледжа (штат Пенсильвания), автор восьми книг и многочисленных научно-популярных и научных статей. Он известен также как один из ведущих консервативных публицистов современной Америки.

Из всех крупных работ П. Готфрида мы выбрали для публикации на русском языке именно эту в силу целого ряда причин. Книга посвящена современному левому движению, причем главным образом не маргинальным течениям, а его «ядру», в идейном поле представленному так называемым культурным марксизмом. Знание истории этого движения и его идей является ключом к пониманию всей современной западной политики.

Важно также то, что автор, несмотря на подзаголовок книги, не ограничивается узкой темой европейских левых идей, но прослеживает их сложные взаимоотношения с американскими идейными течениями — в первую очередь с прогрессизмом и современным «либерализмом» (англо-саксонским вариантом левой идеологии). Эти взаимосвязи зачастую недооцениваются российскими авторами, пишущими об идеологии мультикультурализма в Европе и о ее последствиях.

Интерес представляет и то, что «Странная смерть марксизма» написана консерватором, т.е. «правым», в то время как серьезные тексты о европейских левых, существующие на русском языке, написаны, как правило, левыми же или сочувствующими им. В то же время автору в целом удастся не выходить за пределы академической корректности, рассказывая о своих идейных оппонентах. «Книга правого о левых» может серьезно помочь русскоязычному читателю и в пере-

осмыслении традиционного политического спектра применительно к нашим постсоветским политическим реалиям.

Наконец, интересно и то, что эта книга написана американцем о европейцах. Взгляд представителя одной политической культуры на феномены другой почти всегда бывает интересен; русскоязычный же читатель, как правило, принадлежащий к третьей политической культуре, может с помощью этой книги получить объемную картину современной мировой политической и идеологической жизни.

Данное издание является первым в книжной серии ИРИСЭН, снабженным профессиональным комментарием научного редактора. По мере возможности мы будем и дальше продолжать эту практику.

Мы полагаем, что книга П. Готфрида «Странная смерть марксизма» будет представлять интерес для широкого круга читателей, интересующихся современной европейской и мировой политикой.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель Редакционного совета
Март 2009 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я хотел бы поблагодарить тех моих знакомых, кто прочитал до публикации весь текст или его часть либо помог мне в сборе информации, а именно Дэвида Брауна, Дэвида Гордона, Уилла Хэя, Джеймса Курта, У. Уэсли Макдоналда, Стэнли Мичалака, Марту Пеннингтон, Гэбриела Риччи, Пола Крэйга Робертса, Уэйна Селчера и Джозефа Стромберга. Двое немецких ученых, Стефан Эрнольд и Гвидо Хюльсманн, избавили меня от лишних поездок в поисках данных. Их электронные письма чрезвычайно помогли мне при работе над примечаниями к тексту. Мой бывший коллега, заслуженный профессор Фредерик Рич прочел черновые варианты текста, причем отнюдь не ограничился поверхностным просмотром. Он, кроме того, предоставил в мое распоряжение свои книги и массу собранных им заметок о послевоенной французской компартии — профессор Рич некогда собирался писать монографию по этой сложной теме. Я, с непременными ссылками, использовал его доводы о преимущественно немарксистском характере французских интеллектуалов-коммунистов. Молодой экономист Иен Флетчер сверил приводимые мною статистические данные. Когда цифры наших источников расходились, я чаще всего доверялся его профессиональным суждениям. Наконец, моя коллега Кэтрин Р. Келли, в отличие от меня превосходно знакомая с компьютером, помогла в верстке текста и одарила меня поразительным разнообразием шрифтов и параметров страниц.

Я также в долгу перед моим недавно скончавшимся другом и давним редактором журнала *Telos* Полом Пикконе за неистовые споры со мной на темы, рассматриваемые в этой книге и в двух предыдущих, посвященных феномену государства-корпорации. Хотя Пол мог бы сказать, что я отнесся к Франкфуртской школе без пиетета, свойственного ему самому, я под-

держиваю разработанную им версию ее критического метода и использую его идеи в моей работе. При всех моих разногласиях с терапевтическими подходами Теодора Адорно к политике я включил в свой анализ его идеи о современных механизмах контроля и их идеологическом оправдании.

Расположенный напротив моего дома колледж Элизабеттауна, в котором я работал, помог мне во множестве мелочей: позволил мне загружать работников библиотеки, которые помогали в поиске ссылок, организовал публичное выступление, на котором мне представилась возможность проверить свои идеи на моих незадачливых коллегах и студентах, а также оказал материальную помощь. Фонд Эрхарда, финансировавший мои исследования в предыдущие двадцать лет, помог мне и на этот раз. Я должен поблагодарить журналы *Catholica*, *Conflicts Actuels*, *Telos*, *Journal of Libertarian Studies* и *Orbis* — все эти периодические издания любезно предоставили свои страницы для публикации моих идей. А моей жене Мэри пришлось перенести суровое испытание — выслушивать меня по мере того, как шла работа над книгой, и, значит, я обязан извиниться перед ней и поблагодарить ее. В будущем я постараюсь не загружать ее таким числом всяких подробностей.

На идею написать эту книгу меня натолкнул былой бестселлер Аллана Блума «Затмение американского разума» (*The Closing of the American Mind*). С тех пор, как в 1987 году я впервые прочел эту книгу, утверждения ныне покойного профессора Чикагского университета и «консервативного» критика американской культуры и обычаев вызывали у меня непреодолимое недоумение. Указания Блума на «германские связи» американских университетских левых казались мне настолько необоснованными, что тот факт, что другие комментаторы, в других случаях вполне здравомыслящие, обсуждали их с одобрением, просто сводил меня с ума. Если, как утверждает Блум, такие немецкие злодеи и враги эгалитаризма, как Фридрих Ницше и Мартин Хайдеггер, и проторили путь для нацизма и американских «новых левых», то эти обви-

нения по меньшей мере не очевидны. Их необходимо доказать. То же самое относится и к другому утверждению профессора Блума, что руководящим принципом американских левых является не радикальный эгалитаризм, а идеи партикуляризма и исторического релятивизма, заимствованные Америкой у Европы.

Следует задать вопрос: почему с этими мнениями соглашаются люди, которых, казалось бы, нельзя обвинить в незнании материала? Более того, почему на европейцев возлагают вину за движения и идеи, которые мы, американцы, с нашими средствами и специалистами, могли создать и сами? Данная книга предлагает по крайней мере предварительные ответы на эти вопросы.

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ

Анализируя результаты прошедших весной 1999 года итальянских муниципальных выборов, многоопытный итальянский политический аналитик Эрнесто Галли делла Лоджия объяснил в миланской газете *Corriere della Sera*, что на этот раз избиратели обманули ожидания журналистов. Рабочие подали за левых меньше голосов, чем предполагалось, зато коммунисты и другие левые партии привлекли электорат, состоящий из борцов за права гомосексуалистов, активистов феминистского движения, защитников природы, борцов за мультикультурность и вообще, если говорить более широко, не состоящих в браке людей свободных профессий. Приходится заключить, что для изменившихся итальянских левых теперь характерны «нетрадиционный стиль жизни» и в то же время неприязнь к традиционной европейской морали. Делла Лоджия ностальгически замечает, что в его молодости у итальянских коммунистов были четко определенные цели: они поддерживали международную политику Советского Союза, идею классово-борьбы и национализации средств производства. Но на самом деле их избиратели хотели лишь выжать социальные льготы и субсидии из государства и руководителей итальянской промышленности (*la classe padronale*), и более всего они стремились к тому, чтобы получить побольше удобств буржуазной жизни¹. Поддерживавшие коммунистов рабочие меньше всего заботились о свободе практиковать альтернативные стили жизни или о том, чтобы демаскулинировать рабочие места.

¹ Ernesto Galli della Loggia, “Quando i ceti medi bocciano la sinistra”, *Corriere della Sera*, 4 июля 1999 г. Р. 1.

Как отмечает Анни Кригель, автор книги «Французские коммунисты», трудно найти другую группу, представители которой были бы больше озадачены самой идеей равенства полов, чем эти самые коммунисты. Еще в 1970-е годы партийные ряды на 70% состояли из мужчин, а женщины оказывали на партийные решения лишь «незначительное влияние»². Более того, говорившееся на партийных собраниях о женщинах и семейной жизни куда больше приличествовало бы собранию католических священников в период до Второго Ватиканского собора. В своей работе Кригель подчеркивает, что французские коммунисты сочетали экономический радикализм с глубоко консервативными социальными установками. Но уже в 1990-е годы тот же автор в своих журналистских публикациях начала нападать на коммунистов и их социалистических союзников за попытки радикализировать французское общество³. Теперь речь шла не о косной культуре, с которой ассоциировался французский марксизм, а о его превращении в радикализирующую культурную силу, находящуюся в союзе с государственной властью.

В дело вмешались обстоятельства, изменившие самый смысл *марксизма*. Европейские коммунистические партии уже не были массовыми избирательными блоками рабочего класса, которые контролировали до трети голосов на общенациональных выборах, как бывало во Франции и Италии после Второй мировой войны. В 1990-е годы произошло масштабное падение численности европейских профсоюзов, что и проанализировано в подробном исследовании, опубликованном в *Le Monde Diplomatique*.

² Annie Kriegel, *The French Communists: Profile of a People*, trans. Elaine P. Halperin (Chicago: University of Chicago Press, 1994), P. 61–64.

³ Annie Kriegel, “Sur l’antifascisme”, *Commentaire*. Vol. 12 (summer 1990). P. 299. См. также автобиографию Кригель, *Ce que j’ai cru comprendre* (Paris: Robert Laffont, 1991), которая написана с позиции коммуниста, разочарованного идеологической эволюцией Французской коммунистической партии в послевоенные годы.

Автор исследования Пьер Бурдьё выражает беспокойство, что еще немного, и организованные рабочие превратятся в столь незначительную силу, что не смогут оказывать никакого влияния на позиции французского правительства. В сфере экономики политические различия между правыми и левыми свелись к мелким деталям. Правые принимают государство благосостояния и даже расширяют его, а левые отказались от планов государственного контроля над отраслями экономики. Место левацких призывов к обострению классовой борьбы заняли разговоры о «третьем пути» между капитализмом и социализмом, а тем временем левоцентристские правительства в Германии, Англии и Франции заняты не только перераспределением доходов, но и урезанием бюджетных расходов⁴. А самое главное, некогда мощная коммунистическая избирательная машина теперь получает на выборах лишь 5—8%. Это позволяет компартиям в Италии и во Франции входить в левоцентристские коалиции, а в Германии — предлагать себя в качестве альтернативы «зеленым» в партнеры социал-демократам. Первый раунд французских президентских выборов завершился 21 апреля 2003 года разгромом коммунистической партии. Если Жан-Мари Ле Пен, кандидат правых популистов, пришел к финишу вторым, то Робер Ю, кандидат коммунистов и руководитель компартии, набрал всего 3% голосов и оказался на пятом месте. Поскольку компартия не сумела преодолеть пятипроцентный барьер, что позволило бы ей не возвращать государству ассигнованные на выборы восемь миллионов евро, для погашения долгов коммунистам пришлось выставить на продажу свою штаб-квартиру⁵.

⁴ Pierre Bordieu, “Pour un mouvement européen”, *Le Monde Diplomatique*, 2 июня 1999 г. Р. 16.

⁵ См.: Marie-Claire Lavabie, François Platone F. *Que reste-il du PCF?* (Paris: Editions Autrement, 2003). Р. 66 — 73; а также: Bernard Dolez, Annie Laurent,

Сегодня европейские коммунистические партии сохраняются просто как довесок к более обширным группировкам сил на левом политическом фланге. Что бы ни было тому причиной — повышение общего уровня жизни, ослабление солидарности рабочего класса или очевидная непривлекательность коммунистического опыта, — коммунистические партии Западной Европы утратили свою электоральную привлекательность. Время от времени они делают попытку вернуться к власти в Польше, Венгрии, России или в государствах Балтии, но это говорит лишь о том, что население этих стран фрустрировано затянувшимся нелегким переходом к свободной или квазисвободной рыночной экономике. В любом случае довольно трудно обосновать утверждение о том, что наблюдаемые время от времени успехи на выборах переименованных коммунистических партий Восточной Европы свидетельствуют о возрождении веры в марксизм или в пролетарскую солидарность.

Консервативные критики обычно расходились в объяснениях этого превращения коммунистов в младших партнеров левоцентристских партий. Такие горячие сторонники американской внешней политики, направленной на продвижение демократии по всему миру, как, например, Майкл Новак из Американского института предпринимательства, а также Фрэнсис Фукуяма и Джордж Гилдер, утверждают, что устоять перед американским «демократическим капитализмом» практически невозможно, в силу чего бывшие европейские марксисты и спешат поддержать «американскую модель», сочетающую государство благосостояния с расширением возможностей для инвестирования капитала. Все, кроме самых отсталых, приняли этот срединный путь между совершенно свободным рынком и полностью огосударственной экономикой, который позволяет совместить требование

“Marches et marges de la gauche” в: Pascal Perrineau, Colette Ysmal, *Le vote de tous les refus* (Paris: Presses de Sciences-Po, 2003).

равенства с материальными стимулами и экономическим прогрессом⁶.

Менее оптимистичные наблюдатели из числа традиционных правых, однако, сомневаются в том, что коммунистический хищник лишился клыков. И некоторые из их аргументов заслуживают внимания. Все европейские парламентские коалиции с участием коммунистов уклоняются от признания массовых убийств, совершенных коммунистами в России и в других странах. Такое отрицание вины можно было наблюдать 12 ноября 1997 года во французском парламенте, а 27 января 2000 года — в итальянском. В первом случае французский премьер-министр, социалист Лионель Жоспен, отвечая на вопрос оппозиции, верит ли он, что Сталин убил миллионы людей, прибег к словесным увороткам — отчасти из уважения к коммунистическим партнерам по коалиции. Жоспен утверждал, что «коммунистическая революция была одним из величайших событий нашего века» и «как бы ни оценивать сталинскую Россию, она была нашим союзником в войне с нацистской Германией». И, хотя в советской истории были «трагические» страницы, премьер-министр считает «несомненной ошибкой возлагать равную вину на коммунизм и нацизм»⁷. Вот, собственно, и все о равной оценке геноцида нацистских и коммунистических массовых убийц, когда речь заходит о собственных политиче-

⁶ См.: Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism* (New York: Simon and Schuster, 1982); George Gilder, *The Spirit of Enterprise* (New York: Simon and Schuster, 1984) [Русск. пер.: Новак М. Дух демократического капитализма. Минск: Лучи Софии, 1997]; а также: Fukuyama F. "The End of History?" *National Interest*. Vol. 16 (summer 1989). P. 4 — 6. [Русск. пер.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3].

⁷ *Le Monde*, 14 ноября 1997 г. P. 8. Менее сочувственное описание этого спора см. в: Sévillia J. *Le terrorisme intellectuel: De 1945 a nos jours*. (Paris: Perrin, 2000), P. 202—204.

ских союзниках, «объединением с которыми гордится» Жоспен.

Столь же красноречивым свидетельством сталинистской подкладки европейских левых стало обсуждение предложения правившей тогда в Италии левоцентристской коалиции ввести ежегодный «день памяти о преступлениях фашизма и нацизма». Когда представитель правоцентристской коалиции предложил расширить формулировку и включить в нее «всех жертв политической тирании», другая сторона громко этому воспротивилась. Один из депутатов-коммунистов выразил недовольство и заявил, что «одержимость» тем, что делали или чего не делали коммунистические правительства, — это всего лишь дымовая завеса. На самом деле правоцентристы «никак не могут в душе примириться с тем, что они участвовали в принятии фашистского закона 1938 года [лишившего итальянских евреев прав гражданства] и в последующей депортации евреев [в 1943 году]»⁸. На деле же в нынешней правоцентристской коалиции нет тех, кого можно обвинить в этих двух постыдных деяниях, второе из которых было реализовано усилиями СС и очень малого числа итальянцев⁹. Сравнение сегодняшних правоцентристов с фашистским правительством конца 1930-х совершенно неправомерно, и еще менее правомерно сравнение с республикой Сало, которая была навязана Италии немецкими оккупантами в 1943 году. Более того, в отличие от итальянских левоцентристов, правоцентристы были готовы без колебаний осудить все формы тоталитаризма. Для тех, кто усматривает преемственность между прежними коммунистами и нынешними, наглядным доказательством правоты служит этот упорный отказ

⁸ Об этой дискуссии в итальянском парламенте см.: *Il Mattino*, 17 апреля 2000 г. Р. 17.

⁹ О том, что и до и после 1938 года режиму Муссолини не был присущ оголтелый антисемитизм, см.: Léon Poliakov, *Gli ebrei sotto l'occupazione italiana* (Milan: Comunità, 1956); Meir Michaelis, *Mussolini and the Jews* (Oxford: Clarendon Press, 1978); а также: Renzo De Felice, *Storia degli ebrei sotto il fascismo* (Turin: Einaudi, 1977).

разобраться с коммунистическим прошлым и отвержение любых попыток осудить прежние злодеяния под тем предлогом, что такие попытки являются проявлением «фашизма».

Можно также вспомнить превращение восточногерманских коммунистов и их западногерманских сторонников в Партию демократического социализма, основанную в 1990-е годы в качестве моста между коммунистическим прошлым и современностью. Бывший руководитель партии Грегор Гизи был агентом Штази, что подтверждено документально, а после падения Берлинской стены занимался организацией «антифашистских» митингов в объединенном Берлине. Его карьера информатора коммунистической тайной полиции в 1975—1987 годах получила огласку в 1995 году, после того как Бундестаг, ознакомившись с докладом о деятельности Гизи в качестве агента тайной полиции, даровал ему амнистию. Когда его противники из числа христианских демократов подняли шум по этому поводу, левая пресса в Германии и Австрии обвинила противников Гизи в организации охоты на ведьм. Франк Штеффель, его главный соперник в Берлине, пошел на попятную после того, как ведущие немецкие журналисты заклеили его как неумолимого фанатика-антикоммуниста. Укрощенный Штеффель согласился никогда больше не упоминать об этой стороне деятельности Гизи, выдававшего властям Восточной Германии доверившихся ему людей¹⁰.

Но в этой снисходительности средств массовой информации к тем, кто в прошлом принадлежал к левым радикалам, нет ничего необычного. Йошка Фишер, министр иностранных дел Германии, так и не стал объектом нападок ведущих немецких изданий, несмотря на то что в 1960-е годы он был близок к группам левых, тяготевшим к насильственным методам. А французская пресса столь же снисходительно отнеслась к тому, что Жоспен длительное вре-

¹⁰ Об этих хитросплетениях берлинской политики см. комментарии в *Junge Freiheit*, 13 июля и 27 июля 2001 г.

мя поддерживал связи с воинствующими троцкистами. В 1991 году ветеран французской компартии Жорж Бударель предстал перед французским судом по обвинению в участии в 1953 году в убийствах французских пленников, захваченных коммунистами из Лиги независимости Вьетнама (Вьет-Мин) во время партизанской войны с французами в Индокитае. В отличие от арестов подозреваемых в пособничестве нацистам во Второй мировой войне, эта неполицорректная попытка свести счеты с обвиняемым в массовых убийствах взбудоражила парижскую прессу. Свидетелей обвинения, сумевших выжить во вьетминьском «лагере 113», самих обвинили в том, что они стали «объективными пособниками ревизии [Холокоста]», пытаясь «обелить нацизм»¹¹. Бударель был освобожден по формальным основаниям, не имевшим отношения к существу выдвинутых против него обвинений, но к тому времени на левом берегу Сены уже были подготовлены массовые демонстрации в защиту этой якобы жертвы нацистских «коллаборационистов».

В связи с таким поведением средств массовой информации Морис Дрюон, французский журналист и бывший советник Шарля де Голля, пишет, что на политическую историю с конца Второй мировой войны отбрасывали густую тень коммунисты и их прихлебатели¹². Согласно Дрюону, пресмыкательство перед тоталитарными левыми существует по-прежнему, хотя численность компартии резко сократилась. Политики продолжают лягать «фашизм» отчасти по привычке, а отчасти потому, что еще не осознали, насколько слабым стал электоральный потенциал коммунистов. К тому же они страшатся нападок прокоммунистических журналистов, истолковывающих любую критику мрачных сторон истории коммунистического движения как проявление сочувствия к фашизму.

¹¹ *Liberation*, 11 ноября 1997 г. P. 1—4; Sévillia J., *Le terrorisme*. P. 204—205.

¹² Maurice Druon, *La France aux ordres d'un cadavre* (Paris: Fallois/Rocher, 2001).

Дрюон верно подметил эти выверты в поведении французских левых. Применяемая для умасливания коммунистов нелепая риторика Жоспена, которую до него использовал Франсуа Миттеран, подтверждает выдвинутое Дрюоном обвинение в том, что некоторые французские политики готовы на все, чтобы заслужить благорасположение коммунистов. Но есть смысл задаться вопросом, действительно ли коммунисты и их сторонники являются марксистами или марксистами-ленинистами? Правда ли, что коммунисты, например, до сих пор исповедуют диалектико-материалистические взгляды на исторический процесс, достигающий апогея в пролетарской революции и в создании социалистического общества, основанного на общественной собственности на средства производства? В каком смысле можно утверждать, что коммунисты все еще верят в классовую борьбу как в ключ к пониманию человеческих отношений и инструмент победы социализма? Заметим, что для настоящих коммунистов в «фашизме» плохо не то, что он против иммиграции (которая фашистов на самом деле никогда не заботила), и не то, что он возбуждает недоброжелательство к меньшинствам, происходящим из стран «третьего мира». Фашисты, согласно традиционным коммунистическим писаниям, ведут борьбу против рабочего класса и помогают обреченным капиталистам отсрочить победу социалистической революции. Короче говоря, фашисты рассматриваются как классовый враг, пытающийся нарушить исторический процесс и повернуть вспять развитие, ведущее к predeterminedому свыше завершению всех классовых конфликтов в посткапиталистическом пролетарском обществе, которое будет основано коммунистическими вождями.

Эти традиционные коммунистические схемы, широко распространенные в 1930-х годах, когда фашизм был на подъеме, не имеют никакого отношения к нынешним европейским левым. Причина в том, что левые больше не являются марксистами и лишь время от времени вспоминают о социализме. Если присмотреться к тому, какие законы проталки-

вают коммунисты в рамках левоцентристских коалиций — начиная с законов, запрещающих разжигание ненависти и направленных главным образом против европейского христианского большинства, законов, устанавливающих уголовную ответственность за попытки отрицать или преуменьшать преступления нацистского режима в публикациях или телепередачах, и заканчивая финансированием программ внедрения мультикультурализма, установлением дней памяти жертв нацистского режима, защитой прав гомосексуалистов и выделением государственных субсидий беженцам, — трудно понять, какое отношение все это имеет к марксистской революции. Добившись успеха на выборах, Грегор Гизи, бывший шпион коммунистического режима, не стал бороться за распространение восточногерманского коммунизма на Западе¹³. Он и другие давние сторонники коммунистов положили в основу Партии демократического социализма совсем другую политическую повестку дня, а именно государственную защиту прав гомосексуалистов, ослабление ограничений на въезд «политических беженцев», облегчение иммиграции для *Zuwanderer** из «третьего мира» по сравнению с этническими немцами, желающими переселиться в Германию из бывшего Советского Союза. Партия Гизи вошла в городское правительство Берлина в союзе с Германской социалистической партией и социалистическим мэром Берлина Клаусом Воверайтом,

¹³ Автобиография Гизи, опубликованная после того, как он, будучи разоблачен в качестве агента тайной полиции ГДР, покинул пост председателя Партии демократического социализма, позволяет составить представление о его «антифашизме». Он защищает восточногерманских коммунистов на том основании, что те серьезно относились к делу поимки и наказания нацистов и к искоренению немецкого национализма. Гизи также обыгрывает то обстоятельство, что в его роду были евреи, а это психологически сближает его с жертвами Холокоста. См.: Gregor Gysi, *Ein Blick zurück: Ein Schritt nach vorn* (Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 2001).

* Пришелец, переселенец (нем.). — Прим. ред.

гомосексуалистом-активистом, в политике которого нет ничего марксистского, несмотря на то что он и его партнеры по коалиции поддержали сооружение памятника марксистской революционерке Розе Люксембург, участнице неудачного восстания спартаковцев в 1919 году. Выбор героини характерен для социального радикализма политики Гизи и Воверайта. Польская еврейка, стоявшая на левацких позициях, Люксембург приняла участие в попытке уничтожить молодую Веймарскую республику и была убита военными, которые, как считается, после ее убийства выразили свои антисемитские эмоции. Люксембург была известна тем, что критиковала Ленина, которому, по ее мнению, не удалось совершить подлинно марксистскую революцию. Согласно ее толкованию, Ленин искажил революционный акт, поставив во главе событий партийный авангард. Так возник идеальный символ посткоммунистических левых: еврейская жертва, уничтоженная реакционными немцами за то, что пыталась воплотить в жизнь образцово чистое понимание революции. Но разве это прославление иностранной революционерки, ставшей «жертвой», имеет какое-либо отношение к марксизму или к традиционным программам коммунистических партий?¹⁴

Ответ на этот вопрос дают критики «культурного марксизма», и прежде всего Пэт Бьюкенен в своей работе «Смерть Запада», описывающей атаку на «буржуазную мораль», предпринятую немецкими иммигрантами из Франкфуртской школы, как новую и опасную фазу войны марксизма против христианского общества Запада. Согласно Бьюкенену, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе и Эрих Фромм были немецкими радикалами, превративши-

¹⁴ На своем веб-сайте Воверайт отмечает «возведение памятника Розе Люксембург на площади, переименованной в ее честь», как одну из «задач» своей администрации, наряду с сооружением отдельных монументов памяти цыган и гомосексуалистов, ставших жертвами фашизма. См. www.klaus.wowereit.de.regierensrichtlinien.htm.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru